

— Приветствую вас, принцесса, — сказал мужчина в сером пальто и шляпе-котелке, открывая дверь, которая от его прикосновения распалась на фиолетовый пепел. Ритмично постукивая тростью, мужчина вошел в комнату и остановился рядом с ее скрипкой, его благородный облик подчеркивала тщательно ухоженная борода. В темной комнате, освещенной лишь огнем очага, его глаза, похожие на ястребиные, светились, как маяки, жутким фиолетовым оттенком.

— Герцог Натаниэль, не очень-то по-джентльменски с вашей стороны входить без приглашения в комнату дамы, тем более принцессы.

Герцог оглядел ее, потом кровать, на которой лежало ее белое платье, и только потом усмехнулся:

— Август наконец-то позволил тебе стать наблюдателем? А я-то думал, что наша принцесса — тупица, у которой нет ни способностей, ни достаточно связных мыслей, чтобы сформировать свою точку зрения.

— Понятно, собака научилась лаять. Разве ты не был всего лишь ничтожным землевладельцем, пока королевский отец не решил сжалиться над тобой?"

Герцог придержал шляпу-котелок одной рукой и зарычал, его тело тряслось от смеха:

— Наша принцесса действительно такая забавная, как о ней говорят. Неужели ты не видишь иронии в этой ситуации? Этот "ничтожный" землевладелец теперь имеет власть над судьбой могущественной принцессы.

Иллиана насмешливо ответила:

— Действительно, называть тебя собакой - это неуважение к их виду. По крайней мере, они верны своим хозяевам. А ты, наоборот, кусаешь руку, которая тебя кормит.

— Давайте не будем оскорблять интеллект друг друга, принцесса. Это не имеет ничего общего с моей преданностью. Я был самым стойким сторонником короля и оставался бы им до сих пор, если бы он решил не быть безответственным и безрассудным. Я просто забочусь о себе в эти трудные времена. Видишь ли...

Иллиана прервала его:

— Какая дерзость! Как ты смеешь насмеяться над отцом? Как у тебя хватает наглости не стоять на коленях, не унижаться и не молить о пощаде после столь вопиющего проявления наглости по отношению к трону? — Представление должно было вот-вот начаться, поэтому пора было готовить сцену.

Герцог кивнул:

— Не ожидал, что упущу этот момент. Но кто может меня винить? Никто и подумать не мог, что ты преодолеешь влияние Незримого за столь короткое время. Мало того, ты даже можешь "видеть" мое зрение?

Герцог остановился, выражение его лица на секунду стало задумчивым, прежде чем он вздохнул:

— А-а, я понимаю. Должно быть, это одна из знаменитых безделушек Августа. Да, да. В этом есть смысл. А как насчет желчи? — Он указал на свои глаза и моргнул.

Тысячи новых кричащих колебаний возникли в ее восприятии, и вокруг него загорелся фиолетовый дым, разрушающий все, к чему он прикасался. Он сильно стукнул тростью по полу, и большой кусок пола растворился. Мебель и инструменты упали на пол в беспорядке и с перебоями, а фиолетовая масса загудела в воздухе.

— Лучше бы ты следил за своим гребаным тоном! Простой незрячий, получивший просветление несколько минут назад, осмеливается задавать мне вопросы? Твой титул принцессы — всего лишь пустое надувательство перед истиной. Но что ты можешь знать? Безрассудный король идет против Незримого, пренебрегая своим долгом перед королевством, а его неразумная дочь принимает смерть перед существом, которое для нее может быть богом. Стань свидетелем, ибо ты находишься перед мастером теней с тремя оттенками, и я с удовольствием отправлю тебя в могилу.

Проигнорировав большую часть речи самовлюбленного, она на цыпочках ушла вправо, избегая кричащего луча тьмы, возникшего под ее ногами.

“Это хорошо. Он уже возбужден. Возможно, мне удастся справиться с " Молчанием струн души"”. Это было единственное высшее видение, требующее четырех оттенков, которому она от всего сердца училась по записям наблюдений. Причина этого была проста. Это было видение, чисто манипулирующее эмоциями и не имеющее ничего общего с душами, кроме названия.

С тех пор как отец объяснил ей, что такое наблюдение и точка зрения, она не сразу решила, как ей наблюдать за реальностью. Эмоции были корнем всего в обществе, и она твердо верила, что способность воспринимать точное состояние чьих-то мыслей может быть равнозначна всезнанию.

В реальности ей потребуется много времени, чтобы достичь этого, но нынешние возможности свободного представления были не чем иным, как этим самым всезнанием. Она чувствовала мелодию каждой эмоции, исходящей от герцога, так что самое время начать свое выступление.

Основная идея этого видения была проста. Нужно было направить эмоции своего противника таким образом, чтобы один конкретный тембр никогда не повторялся до тех пор, пока видение не будет завершено. Затем, на каждом из этих этапов, она должна была воздействовать на вибрации герцога, чтобы они совпадали с ее собственными. Это было не просто так, но в остальном она доверилась своей интуиции и помощи мира.

Для начала ей нужно было манипулировать его возбужденными колебаниями, чтобы они совпадали с ее собственными. Скрывая незначительные колебания, необходимые для того, чтобы вложить изменения в свои слова, она произнесла с явным изумлением в голосе:

— Тебе трудно достучаться до простого незрячего, о великий мастер теней?

— Хаха, маленькая шлюха. Ты действительно не понимаешь ситуации, да?

“Раздражение”.

Прежде чем она успела послать в его сторону очередное завуалированное изменение, дикие вибрации собрались вокруг руки герцога, когда он поднял пальцы. Она с безупречной грацией отклонилась вправо, и темный луч пронесся мимо ее плеч, растворяя все вокруг.

— Ну и бог же ты, — усмехнулась она, за словами скрывались едва уловимые направляющие тона.

“Гнев”. Все изменилось слишком быстро — она едва справилась с последним.

— Неужели ты думал, что отец оставит меня без помощи, прекрасно зная, что меня ждет?— Не упуская возможности затянуть петлю еще туже, она настроила эту новую эмоцию на свой ритм. Завуалировано, как еще одна интонация ее речи.

“Неужто мы сомневаемся? Но ведь все меняется слишком быстро! В “Записях наблюдений” говорилось, что новые эмоции проникают в душу постепенно”. Даже если внешние эмоции человека менялись в мгновение ока, душа не должна была торопиться. “Как и следовало ожидать, вся эта концепция души — просто чепуха”.

Тем не менее, она напела что-то с нотками, не допускающими мрачности, поглаживая символ на невидимом предплечье низкими вибрациями. Воспользовавшись случаем, чтобы также применить свою тонкую настройку мелодии, она приглушила его ритм, чтобы он совпал с ее собственным.

И тут, как и обещал отец, вокруг нее материализовались сотни зеленых мотыльков света, которые в одно мгновение сгустились в карманные часы.

Игривая улыбка, висевшая на лице герцога, миг исчезла, а его глаза полыхнули ярким фиолетовым светом, когда он щелкнул пальцами. Вокруг Иллианы появилось множество пятен темноты, в ее восприятии раздались крики и гулкие вопли.

Не теряя времени, она щелкнула ручкой карманных часов, и зеленая дымка окутала ее с внезапностью, повторяющей стремительность кричащих пятен.

Тьма, которая до сих пор испаряла все на своем пути, вошла в дымку и потеряла весь свой импульс, слившись в темный клубок внутри зеленого тумана, по мере того как все больше и больше ее вливалось из темных колодцев снаружи. Все, что достигало дымки, замирало на месте, двигаясь медленнее, чем заунывная скрипичная мелодия, исполняемая с нежным вибрато.

“Удивление”. Еще одна фаза. Герцог пока не заметил ни одной из ее манипуляций, значит, его истинное восприятие должно быть слепым по отношению к истинам, касающимся вибраций, эмоций или даже души.

Герцог быстро выпустил в нее маленькие лучи, а затем хлопнул в ладоши. В комнате на секунду потемнело, и все распалось, кроме Иллианы, стоявшей в дымке. Весь особняк рассыпался, вокруг нее посыпались куски и обломки, некоторые из которых остановились в ее дымке.

Ее зрение стало влажным, когда она представила себе другой набор встречных тонов, сливая их в слова.

— Жалкий!

Герцог уставился на нее, из его глаз потекла кровь. Грубым движением руки он потянулся к своей шляпе-котелку, и его форма начала темнеть.

“Ненависть. Вот оно”.

Затем, словно дирижер, направляющий ансамбль эмоций к кульминации, она высоко подняла руку, и волна приглушенных эмоций собралась вокруг герцога, нахлынув, как цунами, с ним в

центре.

— Должно быть, забавно прятаться за папиными побрякушками, изображая из себя нечто величественное и могущественное. Не можешь ничего сделать сама, даже в качестве наблюдателя? Тогда тебе все равно лучше умереть!

Не обращая внимания на его слова, она сосредоточилась на управлении оркестром пассивных эмоций с помощью движений руки, дополненных зрением. Теперь все или ничего.

— Я, Иллиана Максимилиан, вторая принцесса королевства Картэйн, — вены на ее руках вздулись, и она почувствовала, как кровь с диким остервенением бросилась в глаза.

Герцог просунул правую руку сквозь шляпу-котелок, которая тут же погрузилась в нее. Прежде чем она успела что-то предпринять, в ее сфере появилась рука, схватившая карманные часы, но было уже поздно.

Казалось бы, безобидные, но всеохватывающие вибрации врезались в герцога, пройдя сквозь его горящую дымку, сжимая его.

Врожденные импульсы эмоций герцога погасли, сменившись пассивным гулом, готовым по ее приказу то вздыматься, то опадать.

— Приказываю тебе... умереть! — Затем, словно палач, исполняющий приговор, она стремительным движением разрубила нож, и вены вокруг ее глаз лопнули, из них невидимыми струйками хлынула кровь.

Мужчина отпустил шляпу-котелок, которая упала на землю, и рука исчезла из ее дымки. Положив ее себе на грудь, он увидел, что глаза его светятся фиолетовым светом. Во вспышке темноты в его груди образовалась зияющая дыра, сквозь которую виднелись руины здания. Тело потеряло силу, удерживающую его на плаву, и рухнуло в кратер, как тряпичный мячик.

Все было кончено. Она сделала это.

Глубоко вздохнув, она резким движением повернула стрелку часов в обратную сторону.

Силы планеты вспомнили, что они действуют на зеленую массу, и она плавным движением скользнула вниз, приземлившись в кратер напротив безжизненной оболочки. Она глубоко вдохнула и отрегулировала дыхание, стоя на коленях на разрушенной мостовой.

Прошло несколько минут, прежде чем она собралась с силами и напела какую-то бодрую мелодию. Зеленые мотыльки вместе с темной энергией и обломками дематериализовались в мерцающие точки, которые вернулись в узор на ее невидимом предплечье.

Заправив пряди волос за уши, она встала и посмотрела на последствия своей первой перспективной битвы. Этот человек уничтожил ее особняк, включая все инструменты и охрану. Было больно. Больно было потерять все, но потерять контроль над своими эмоциями было бы еще больнее.

Она глубоко вздохнула и задумалась: “Это действительно правильный путь для меня”.

Если не считать ситуации в конце, она справилась с ней хорошо.

Не то чтобы она потеряла часы, ведь они были привязаны к ней. Но даже секунды вне их

защиты было бы достаточно, чтобы заставить ее замолчать навсегда. Неважно, была ли она свободна в своем представлении — одно прикосновение этой штуки могло превратить ее лишь в заметки на странице, которые больше никогда не будут услышаны.

Но герцог неверно оценил ситуацию и слишком недооценил ее. Даже если она только что закончила свое просветление, это не значит, что она была так же слаба, как другие на этом этапе. Ее просветление было на порядок выше, чем у других.

Видение, которое она только что применила, было тем, что она могла имитировать только как наблюдатель без единого оттенка благодаря свободному представлению. Благодаря этому опыту она чувствовала себя достаточно уверенной в своем понимании концепции, чтобы оттенить ею свое восприятие, может быть, дважды, но не более того.

Кто знал, сколько времени ей понадобится, чтобы достичь четырех оттенков и заставить замолчать чьи-то душевные струны в другой раз? И это при условии, что за это время она не найдет более подходящего места для наблюдения.

Она в последний раз посмотрела на едва заметный кратер, загрязненный беспорядочными флуктуациями нарушенных законов, и пошла прочь.

Она уходила осиротевшей принцессой, но настанет день, когда она сыграет здесь свою любимую пьесу в качестве королевы Картэйна.

<http://tl.rulate.ru/book/95470/3262718>